

Е.А.Тихомирова Метафора в политическом дискурсе //

Методология исследований политического дискурса. Вып. 1. Минск, 1998. с. 214 – 221.

Задача данного краткого обзора – рассказать о некоторых интересных публикациях, посвященных функционированию метафоры в политическом дискурсе. Термин *дискурс* обозначает два понятия: дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях (дискурсия) и дискурс как дискурсивная практика. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная. Политический дискурс – “совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях” (12: 55).

Наша деятельность обусловлена нашей понятийной системой. Дж. Лакофф и М. Джонсон убедительно показали, что “метафора проникает в повседневную жизнь, причем не только в язык, но и в мышление и действие” (8: 387). Их работа “Метафоры, которыми мы живем” побудила лингвистов обратить внимание на метафоричность понятийной системы человека. Существенная часть социальной реальности осмысливается в базовых метафорах, принятых членами определенного социума.

Чтобы дать наглядное представление о том, как метафорическое понятие организует деятельность человека, Дж.Лакофф и М.Джонсон рассматривают метафору *спор – война* (там же, 388). Эта концептуальная метафора конструируется с опорой на многочисленные выражения обыденного языка. Важно не только то, что мы, европейцы, говорим о спорах в терминах войны, но можем побеждать или проигрывать в споре, относиться к оппоненту как к противнику, атаковать его позиции и защищать свои. “Многое из того, что мы реально делаем в спорах частично осмысливается в понятийных терминах войны” (там же, 388). Носители воображаемой культуры с базовой метафорой *спор – танец* способны воспринимать спор как гармоничные и красивые движения партнеров. Метафоры объясняют одно понятие в терминах другого, но “метафорическое упорядочивание реальности носит в этих случаях не всеобъемлющий, а лишь частичный характер” (там же, 395). Метафора, помогая осмыслить понятие, затемняет некоторые его аспекты: воспринимая оппонента как противника, можно забыть о сотрудничестве в споре.

В ориентационной метафоре происходит организация целой системы понятий в терминах другой системы (там же, 396), напр. ‘обладание властью или силой ориентирует вверх; подчинение силе – вниз’.

Данные опыта, связанные с физическими объектами составляют основу для онтологических метафор, то есть способов трактовки событий, действий, эмоций, идей и т.п. как предметов и веществ (там же, 408). Взгляд на инфляцию как на самодовлеющую сущность позволяет нам рассуждать о ней, характеризовать ее количественно, выделять тот или иной ее аспект, учитывать ее в наших действиях или воображать, что мы понимаем ее природу.

Таким образом, метафоры создают представления об абстрактных понятиях, естественно и глубоко пронизывая наше мышление, понимаются “как самоочевидные, как прямые описания явлений внутреннего мира” (там же, 412), но при этом метафоры определяют способ мышления, познания явлений, управляют поведением носителей языка.

Благодаря этому метафоры участвуют в развитии текста. Порождение идеологизированного текста с помощью концептуальных метафор описано в монографии Э.Лассан. Принимая идею оппозитивного строения дискурса, поскольку она связана с антитетичностью человеческого мышления (8: 39), Э.Лассан рассматривает развертывание текста от более простых к более сложным структурам.

В качестве основ первого уровня выступают бинарные оппозиции сознания (там же, 43). Процедура выделения в тексте оппозиций базируется на принципе социологического контент-анализа: степень важности некоторой сущности коррелирует с количеством ее упоминаний в дискурсе. Наличие оппозиций в тексте устанавливается “в том случае, когда в нем достаточно часто встречаются номинации противопоставленных понятий” (там же, 44). В работе выделены следующие оппозиции, характеризующие русский политический дискурс 60-х годов: *коммунизм – антикоммунизм, патриотизм – антипатриотизм, коллективизм – индивидуализм, законность – беззаконие, гуманизм – антигуманность*.

Вторым этапом порождения текста является представление понятийных оппозиций через концептуальные метафоры, так как бинарные оппозиции состоят из абстрактных понятий, “которые должны обрести некоторую плотность, быть переведены на язык более доступных и известных понятий, что и осуществляет в данном случае метафора” (там же, 47).

Базовые метафоры предопределяют поступки: воспринимая время как ресурс, нам следует его беречь или разумно тратить. Такие когнитивные единицы, как сценарии (схемы, с помощью которых организуется опыт) приобретают метафорическую форму. И “процесс порождения идеологизированного текста идет следующим образом: в области оперирования знаниями как структурой – от фрейма к его детализации через сценарий, в области конкретного содержательного наполнения этих структур – от оппозиции к опосредующей ее метафоре, в области языковых коррелятов – от номинативной к пропозитивной единице” (там же).

Если оппозиция *индивидуализм – коллективизм* выражается метафорой-сценарием *индивидуализм – болезнь человечества*, то дальнейший текст будет перефразировать эту метафору: индивидуалистическое поведение – проявление болезни, индивидуализм опасен для здоровья и т.п. Предметом рассуждений может стать и “лекарство” от индивидуализма. Сценарий-метафора задает “основных действующих лиц” и “перипетии сюжета” текста.

То, что концептуальная метафора прогнозирует участников действия, уподобляет ее предикату в глубинной семантической структуре предложения, который также “определяет” роли именных групп. Участники

действия получают соответствующие наименования. В разворачиваемом базовой метафорой *мир – фронт борьбы между коммунизмом и антикоммунизмом* тексте появляются “враги”, “предатели”, “поджигатели войны”, то есть говорящий выбирает языковые средства под влиянием метафоры. На третьем этапе “включаются риторические механизмы порождения текста” (там же, 48).

Процесс появления номинаций Э. Лассан рассматривает как процесс перехода от исходных структур сознания к структурам собственно текстовым. Обусловленные метафорой номинации стимулируют подходящие им фреймы, напр., фрейм “враг”. Далее вербализуются связанные с ним знания (там же, 51). Деятельность лица в политическом тексте может быть описана “каузальным фреймом”, представленным в работе (1). Такой фрейм включает 5 слотов (составляющих единиц фрейма) (8: 51):

1) субъект, характеристика субъекта	<i>враг, подлый</i>
2) цели, ценности субъекта, характеристика	<i>нанести удар в спину</i>
3) обстоятельства, характеристика	<i>в идеологических битвах</i>
4) действия, характеристика	<i>поставил пушку и стреляет по своим</i>
5) результат действия, характеристика	<i>вызвать законный гнев советского народа</i>

Через характеристику основного элемента каждого слота интерпретируется деятельность субъекта как “врага”. Выбираются не языковые средства с денотативным значением, а лексические единицы, “трактующие субъект и все, что с ним связано, в соответствии с оценкой, заключенной в данном случае в слове “враг” (там же).

Замысел текста Э. Лассан сопоставляет с бинарной оппозицией идей, так как говорящий намеревается оценить некоторое явление с точки зрения имеющейся в его сознании ценностно-смысловой сетки, а мысль – со сценарием-метафорой, концентрирующим все, что затем синтагматически разворачивается в тексте (там же, 52).

Описанные Э. Лассан бинарные оппозиции дополняют факторы, выделенные В. Ф. Петренко и О. В. Митиной (13). Эти психологи в 1994 – 1995 годах провели исследования в разных городах России. Методом психосемантики и одновременно формой репрезентации картины мира субъекта выступает построение субъективных семантических пространств. Испытуемый оценивает, шкалирует, дает ассоциации на предложенный материал. Создаваемая матрица данных отражает индивидуальный опыт испытуемого, напр., в политике. Применяемый к матрице данных факторный анализ позволяет выделить пучки взаимосвязанных признаков и свести признаки к обобщенным категориям (факторам). Факторы выступают как координатные оси при геометрическом представлении семантического пространства. Содержание факторов отражает способы осмысления мира субъектом (там же, 93 – 94). По мнению респондентов, наиболее важными факторами в российском обществе являются *демократизация общества – тоталитаризм, нравственность – безнравственность* и *экономическая*

целесообразность – нецелесообразность. Повторная факторизация выявила лидерство смыслового конструкта *нравственный идеал, или справедливость* (там же, 105).

Обратим внимание, что А. Н. Баранов также выделяет в нашем общественном сознании отчетливо противопоставленные “два ценностных полюса, на одном из которых находятся категории *справедливости* и *равенства*, а на другом концепт *свободы* (4: 167). Доминирующее положение *справедливости* объясняется живучестью мифологем *образа врага, порядка, веры в субъекта распределения, патернализм* (там же, 177). Мифологемы выражаются в текстах с помощью метафор.

В отличие от Э. Лассан, проанализировавшей функционирование метафор и их роль в порождении политических дискурсов 60-х годов, А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов (15) изучают когнитивные метафоры, которыми “живет” современное российское общество. Книга впервые дает огромный срез (6000 контекстов) использования метафоры в конкретных временных (1989 – 1991) рамках. Подчеркивая, что процессы метафоризации – это операции над знаниями, А. Н. Баранов (5: 185) отмечает два основных варианта. Метафора изменяет стандартные представления о фрагменте действительности. Так функционируют в политическом дискурсе называющие СССР метафоры: *ко дну пойдет весь Союз, союзный поезд, страна вошла в пике, общий дом, старый сарай...* Во втором типе словоупотреблений метафора категоризирует еще не структурированный концепт. Таковы метафоры перестройки: *путь преобразований, перевал в истории страны, растущее молодое дерево, великая говорильня, любимое дитя...* (там же: 185).

Так же, как и Э. Лассан, А. Н. Баранов для описания метафоризации обращается к теории фреймов (стереотипных моделей), потому что “это типичный язык для представления знаний, который не делает различий между лингвистической и экстралингвистической информацией” (там же, 186). Следовательно, метафоризация – совокупность формальных процедур над двумя или более фреймами. Фрейм источника соответствует сигнификативному дескриптору (наименованию, показывающему, какое слово или понятие было использовано для метафорического обозначения) словаря метафор, а фрейм цели – денотативному дескриптору (наименованию, показывающему, какая реалья получила данное метафорическое обозначение). Источниковый фрейм дает название метафорической модели (там же).

В политической метафоре *корабль перестройки* состав слотов фрейма источника (корабль) очевиден: *корпус, двигатель, команда, капитан* и т.д. в зависимости от необходимой степени подробности. Однако список целевого фрейма (перестройки) далек даже от первичной структуризации. Можно лишь указать на то, что перестройка – это изменяющая общество новая политика. Поэтому метафоризация кроме операций над слотами двух фреймов включает взаимодействие между самими слотами. Плохо структурированный фрейм перестройки попадает в область когнитивного

притяжения фрейма корабля, что приводит к доструктуризации целевого фрейма (там же, 187).

А. Н. Баранов рассматривает направления, представляющие интерес для изучения функционирования метафор в политическом дискурсе. Прежде всего – роль метафоры в политической аргументации (там же, 189).

Метафора ориентирована на позицию предиката, и основная для нее функция характеристики, а не идентификации (уподобления, отождествления) объектов (2: 154), метафора – “приговор суда без разбирательства” (3: 28). Приговор без мотивировки, без объяснений. Хотя это не судебный (в буквальном значении) приговор, именно так ее воспринимают. Н. Д. Арутюнова отмечает, что “никакие ссылки на “классификационные ошибки” не ослабляют силы метафоры. Иван Иванович Перерепенко, когда его называли “гусакон”, тщетно ссылаясь на свое дворянство, зафиксированное в метрической книге, между тем как гусак “не может быть записан в метрической книге, ибо гусак не есть человек, а птица” (3: 8).

Следовательно, функционирование метафор в дискурсах предполагает наличие неких соглашений между участниками общения, и одно из них – неравенство, нетождественность источникового фрейма и целевого фрейма: из метафоры *корабль перестройки* не следует, что перестройка – это корабль (5: 189). Нарушение этого условия – основной прием аргументативного воздействия: *Земля – это мать, а разве можно мать продавать?! –*; устанавливается “отношение квазитождества между метафорической моделью и объектом осмысления, что позволяет далее оперировать объектом как полномочным “представителем” метафорической модели” (там же). Такое нарушение возможно, если центр тяжести переносится на эмоциональное воздействие, при обращении автора текста к эмоциям, чувствам, а не к разуму. По наблюдениям Э. Лассан (11 126), именно эмоциональное направление воздействия – характерный и определяющий признак советской политической риторики.

Влияя на способ познания действительности, метафоры становятся “орудием агитации” (9: 92), создают общественно-политический ландшафт с применением красок, соответствующих подлинным или конъюнктурным взглядам их автора. Опираясь на публикации российской прессы 1986 – 1994 годов, И. Коженевска-Берчинская приводит список слов-символов, группирующих метафоры: *ломка, конфронтация, силовые методы, утопия, кризис, болезнь, демократия, бизнес, рынок, реформа, борьба-победа* (там же, 96). Отмечая, что состояние общества чаще всего определяется в виде психических недугов и что сюжет борьбы-победы составляет конструкт российского менталитета польская исследовательница, описывает лексико-семантические метафорические поля болезни-недуга и борьбы-насилия, напр.: *отравление души, рецидивы умолчания (старых времен), защитные иммунитеты демократии, наследственные социальные болезни; баррикадная психология, милитаристский монстр, борьба за возрождение России* (там же, 96 – 100).

В аргументативном процессе конвенциональные и новые, авторские метафоры выполняют различные функции. Конвенциональные метафоры актуализируют имеющиеся в сознании адресата модели принятия решений, а авторские – создают новые модели для новых ситуаций (5: 189).

Второе, называемое А.Н.Барановым, направление исследований – дискурсная судьба метафоры. “В политическом дискурсе метафоры оказываются наиболее часто цитируемой составляющей, которая задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку” (5: 189). Необходимо принять во внимание то, что “проблема идеологического речевого штампа тесно связана с мифологизацией общественного сознания. Идеологические мифы, воплощенные в речевые стереотипы, служили и служат пропагандистским средством манипулирования общественным сознанием” (14: 106).

Е.А.Земская оценивает употребление клише, различного рода цитат как характерную черту русского дискурса 90-х годов, в особенности в сфере политики (8: 23). Одним из важнейших источников цитации она называет бюрократический язык тоталитарной эпохи, используемый в языке постсоветского общества в трех функциях:

- 1) как важнейший элемент пародирования, ёрничества, стёба;
- 2) как серьезный элемент бюрократического языка, идущего из прошлого;
- 3) как реликты новояза, живущие в бытовой речи носителей языка и свидетельствующие о сохранении у говорящих особенностей советского менталитета (там же, 28).

Можно наблюдать употребление цитат-метафор в этих трех функциях даже в пределах одного идеологизированного текста.

Третье направление исследований А.Н.Баранов назвал “политическая метафора и политическое мышление” (5: 190). Авторы работы о парламентских дебатах полагают метафоричность современного российского политического дискурса совершенно естественной, так как когнитивная сила метафоры делает ее инструментом при поиске решений (6: 16). Метафора – элемент кризисного мышления, мышления в проблемных ситуациях и поэтому “задает то множество возможных выходов из кризиса, которое далее рассматривается политиком в процессе принятия решений” (5: 190). А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов описывают влияние концептуального милитаризма на поведение российских политиков: давление развернутого метафорического поля войны на общественное сознание подготавливает социум к действиям, ведущим к материализации метафоры (7: 15 – 16). А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич рассматривают концептуальные метафоры, связанные с представлением о супер-эго (народе): модель механизма, которая помогает “сокрыть неразработанность или неясность предмета обсуждения” (6: 18), модели организма и растения.

Словарь русской политической метафоры в первом издании разделен на две части. В первой части “Метафорические модели политической реальности” приводятся семантические объединения метафор и указывается для каждого слова, с какой реальностью оно соотносится. Напр., метафоры

войны и игры соотносятся с политической, финансовой и законодательской деятельностью (15: 17 – 19, 39), метафоры механизма – с экономикой, государством, финансами, демократией, гласностью, законодательством, армией, обществом, перестройкой, репрессиями (там же, 49), метафоры организма – с экономикой, рынком, государством, армией, политической деятельностью, властью, историей, обществом, совестью (там же, 58). Вторая часть словаря “Мир политики в зеркале метафор” – ономаσιологическая; она показывает, какие концепты и субъекты (напр., *демократия, законодательство, КГБ, СССР, политические лидеры*) могут метафоризироваться.

Четвертое направление “политическая метафорика как фактор политической культуры” связано с общей культурой речи, культурой аргументации (5: 190 – 191).

Политический дискурс актуализирует ценностные ориентации, которые в современном русском общественном сознании чаще всего представлены оппозициями. Понимание новых и переоценка старых ценностей, как правило, происходит с помощью когнитивных метафор, что обуславливает сверхметафоричность политического дискурса.

1. Акимов В.П., Баранов А.Н., Сергеев В.М. Компьютерная модель текущего сознания в системе Авгур. // Исследования по когнитивным аспектам языка. – Тарту, 1990.

2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора. // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 147 – 173.

3. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 5 – 32.

4. Баранов А.Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания. // Язык и социальное познание. – М., 1990. – С. 166 – 176.

5. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры. // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. — С. 184 – 193.

6. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М., 1991. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия “Наука убеждать – риторика”; N 10).

7. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Политическая метафора как объект лингвистического исследования. // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. – С. 12 – 16.

8. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества. // Вопросы языкознания, 1996. – N 3. – С. 23 – 31.

9. Коженевска-Берчинская И. Новации в языковой картине мира российского человека : на основе современных публицистических текстов. – Ольштин, 1996. – 207 с. (Studia i materialy WSP w Olsztynie, N 94).

10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем (главы 1 – 6). // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 387 – 415. Цитируется по этому

изданию. Главы 1, 13, 21, 23, 24 напечатаны в сб.: Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 126 – 170.

11. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995. – 232 с.

12. Миронова Н.Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа. // Известия АН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – N 4. – С.52 – 59.

13. Петренко В.Ф., Митина О.В. Образ политической и экономической теории в сознании россиян. // Общественные науки и современность. – 1997.—N 4. – С. 92 – 105.

14. Сковородников А.П. Об экологии русского языка. // Филологические науки, 1992. – N 5-6. – С. 104 – 111.

15. Словарь. – Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991. 193 с.